

Максим Шелехов

Утро конторского служащего

16+

Максим Шелехов

Утро конторского служащего

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Шелехов М. Ю.

Утро конторского служащего / М. Ю. Шелехов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В одно дождливое ненастное утро один конторский служащий имел неудовольствие задуматься о беспросветном предопределении судьбы своей. Располагал ли он во всей жизни хотя бы единственной возможностью как-нибудь избежать бесславной своей участи? Неужто он, как есть, был рожден конторским служащим, и не может быть другого призвания у него? Эти и подобные вопросы целиком поглотили и ужасно мучили Аркадия Лаврентьевича Деревянко с самого его пробуждения и до самого того момента, когда, случайно взглянув на часы, он с ужасом увидел, что опаздывает на работу!

В одном промышленном городе, не большом, не малом, значения, может, и невеликого, однако в казначействе государственном фигурирующем в графе «преуспевающих», в городе, вместе с тем, больше увядающем, чем цветущем, в отдаленном его районе, по улице «Безымянной», в доме пятиэтажном, малоприметном, сером, во втором его подъезде, на первом этаже, в квартире под номером 21 проснулся Аркадий Лаврентьевич Деревянко, сотрудник аналитического отдела одного предприятия по некоторой переработке сырья. Открыл глаза он, мягко скажем, неохотно, по будильнику, в 6:15. Первая мысль, что посетила пробудившегося, оказалась связана с работой, и это ему вдруг страшно не понравилось. Он даже головой замотал из стороны в сторону, чтобы отогнать мысль эту. Ему и раньше случалось просыпаться уже с каким-нибудь давеча невыполненным заданием в мозгу, и никогда, конечно, то не доставляло ему отрады, но, чтобы такое отвращение он испытывал к внеурочным должностным умозаключениям своим – Аркадий Лаврентьевич и сам подивился такому новому для себя чувству.

– Однако... – произнес он шепотом и, приложив воистину титанические усилия, оторвал-таки голову от подушки. Столь лаконичный и откровенно сомнительный вывод, конечно, мало что разрешал и очень немногим мог способствовать поднятию настроения пробудившегося конторского служащего, но и тем он на первых парах остался удовлетворен, решив для себя окончательно, что ни одной мозговой извилиной в столь резко и неблагоприятно заданном направлении он пошевелить более не изволит, по крайней мере, пока не умоется. Но вот и душ был принят, и яичница на сковородке своими выпуклостью форм и беспросветностью оболочки свидетельствовала о готовности, а Аркадий Лаврентьевич все еще не спешил изучить в себе природу внутренних невзгод, нагрянувших с началом сегодняшнего дня так внезапно и, что серьезней всего, так по-особенному. Он словно давал себе еще в чем-то решительном отсрочку, надеясь, в тайне, может быть, от самого себя, что все само как-нибудь разрешится и душевно ему станет опять, самое меньшее, сносно – тогда, пожалуй, и мысль посетит приятнее, чем та, что теперь наклеивается, и воодушевление, какое-никакое, вместе с ней придет. Аркадий Лаврентьевич действительно предчувствовал и почти с убеждением, что стоит ему только поддаться сейчас влечению и задуматься, как нарвется он на думу, и скорее не на одну, а на целую серию дум крайне неприятных, от переработки которых ему точно не станет лучше, а только хуже. Хуже же Аркадию Лаврентьевичу никак не хотелось, тем более что и в теперешнем своем настроении он ощущал себя почти на волоске.

– Да что же это такое! – не выдержал он, наконец, и топнул ногой, так, что даже на столе в блюдце чашка запрыгала, и жена за стеной с глубоким вздохом перевернулась на другой бок. – Что сегодняшней ночью звезды как-то стали нехорошо или на дворе образовались магнитные бури? – И как будто за подтверждением своей гипотезы Деревянко обратился к окну, точно рассчитывая визуальным наблюдением выявить незримую аномалию. Впрочем, панорама за шторой для Аркадия Лаврентьевича открылась и впрямь не радужная. На улице только-только серело, на стекле густо блестели частые капли мелкого дождя и низкое свинцовое небо, сплошь до самого горизонта растянувшееся цельной неподвижной массой, своим видом не предвещало ничего благоприятного. Совсем все опустилось внутри у конторского служащего. Еще через секунду, как от раскаленной печи, отринул он от подоконника, неприятно поморщил лицо и даже плечами судорожно передернул. «Хороший хозяин в такую погоду и собаку из дому не выгонит, а мне в контору...» – ненароком подумал он, и сам испугался собственной мысли. Но сожалеть было поздно, почин был положен и рубеж пересечен.

Конечно, ничто кроме осознания (в некоторой степени неожиданного, но осязаемого слишком и нерушимого вместе с тем), – одно только осознание откровенного недовольства служебной деятельностью своей мучило Аркадия Лаврентьевича с самого первого мгновения его пробуждения этим утром; и только теперь, у окна, на кухне, дрожа в необъяснимой лихорадке всеми своими членами, он согласился принять это осознание, как нечто хоть и небыва-

лое, но однозначно случившееся, отпечатавшееся в душе его неизгладимо, – так ему казалось теперь.

«Депрессия, что ли?» – пришло ему на ум; и тут же он бросился спрятать кухонный нож в выдвижной ящик кухонного стола, так некстати и вместе зловеще блеснувший еще только вчера наточенным лезвием. Когда нож был убран с глаз, Аркадий Лаврентьевич почувствовал себя в большей безопасности. Но сама проблема никуда не исчезла, нужно было собираться и собираться известно куда. Деревяно, сопровождаемый нервными конвульсиями, широко, но неуверенно вдруг зашагал по комнате. Свободного пространства на кухне было немного и ему то и дело, к великому его неудовольствию, приходилось делать развороты.

– Оповестить о *нездоровье* разве? – подвел он черту своим мыслям вслух, остановившись на секунду как бы в раздумье, но уже в следующее мгновение вновь зашагал, продолжая рассуждать уже про себя: «Не пройдет. Богданова, шельма, заподозрит, учует клевету, у нее на это дело нюх... Так, а разве я вру! Разве не болезнь у меня, посмотри, ходуном весь! – серьезно возмутился конторский служащий, раздражаясь на бестолковость Богдановой А.А., начальника своего, не умеющей поставить душевные расстройства человека хотя бы вровень с пустяшной ангиной. – Да будь у меня *разангина!* – подогревал себя он, – хоть бронхит, хоть воспаление легких – да я бы счастливейшим человеком себя сейчас чувствовал! Лежишь себе под одеяльцем, бухыкаешь, разморенный весь; вот тебе микстура под рукой, знаешь, чем себе помочь, а главное – понимаешь, от чего лечишься. Здесь же!..»

Очередной сигнал будильника на время развлек Аркадия Лаврентьевича, оградив его от удручающих мыслей. Этот второй звонок был для жены. За стеной послышались жалобные поскрипывания расходившейся софы и плаксивые женские возгласы.

– У-гу-гу, – доносилось оттуда, – не хочу!..

«Одно и то же, – подумал про себя Деревяно, – вселенская скорбь; сейчас только отлежится пару минут и выйдет, как ни в чем не бывало».

Так и произошло, по мысли Аркадия Лаврентьевича. Жена его, смазливая брюнеточка, при теле, но по молодости лет еще очень аппетитных форм, в одном ночном сарафанчике буквально выпорхнула из комнаты на кухню к мужу своему, здоровая, румяная, с удивительно свежим веселым лицом, точно и впрямь не спала вовсе. На секунду Аркадию Лаврентьевичу почудилось, что, как будто, все и отлегло у него, и даже удалось без боли воздуху успеть вобрать один раз грудь. Но тут, как назло, подвернулась ему на глаза одна безделица, по принадлежности своей вещь самая обыкновенная, но слишком уж на главный пункт, на причину раздражения его, присутствием своим напиралась. Увидел Аркадий Лаврентьевич шариковую ручку на столе, простейшую, двугривенную, подписанную изнутри на клочке бумаге, обернутом вокруг пасты: *Оксана Т.*

Часто такое встретить можно в определенных кругах рядовых кабинетных деятелей, что предметы канцелярские некоторые сотрудники, особо бережливые, вынуждены личными инициалами помечать. Не то, чтобы их окружал все народ воровитый, вовсе это не обязательно, да и тот ли предмет шариковая ручка, с коим вровень репутация на кон выносится? – просто чиновничье поприще полно хлопот, забот и суеты; сии три движущих силы, из которых суета несравненно большее, и вынуждают кабинетных деятелей за соседский предмет хватиться, потом его за ухо перевести, а зачастую так и сразу в карман определить, следом за размашистой преисполненной благородной амбицией подписью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.